

УДК 34

Актуальные вопросы признания самоопределившихся государств в юридической теории и практике

Шпак Олег Владимирович

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: wraith021@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению правовых подходов к проблеме признания самоопределившихся государств и правовой оценке их соответствия нормам международного публичного права. Рассматриваются понятие, источники, теории, критерии института признания новых государств. Автором раскрывается содержание теорий признания; изучается соответствие конститутивной и декларативной теорий как требованиям международной практики, так и международно-правовым нормам, рассматриваются многочисленные спорные вопросы признания самоопределившихся государств. Автор последовательно доказывает, что международная правосубъектность нового государства не может опосредоваться позицией других государств и не зависит от участия в международных организациях. Отмечается, что признание должно концептуально основываться на установлении легитимности самоопределения по ряду заранее сформулированных критериев. Новые государства и территориальные образования, процесс самоопределения которых не соответствовал этим критериям, не могут быть признаны.

Для цитирования в научных исследованиях

Шпак О.В. Актуальные вопросы признания самоопределившихся государств в юридической теории и практике // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 3А. С. 22-33.

Ключевые слова

Международное право, признание, самоопределение, декларативная теория, конститутивная теория, отделение, государство, легитимность.

Введение

Активная реализация права народов на самоопределение в XX веке и на рубеже XX–XXI веков логично сопутствовала актуализации вопросов, связанных с правовыми последствиями его реализации, международным взаимодействием между новыми участниками межгосударственных отношений и уже существующими государствами, а также международными межправительственными организациями. Возможность вступления в рассматриваемые взаимоотношения во многом опосредовалась позицией государств и международным организаций относительно правосубъективности субъекта самоопределения, и выражалась в наличии или отсутствии со стороны таковых акта признания, проблемы и особенности которого и станут предметом данной статьи.

Появление института признания в современном его понимании, как правило, возводится к XVI–XVII векам н.э, в то время как акт, направленный на главу признаваемого государства, существовал еще на начальной стадии становления государственности в древнем мире [Волощук, 2015]. Тем не менее, наибольшую актуальность, как представляется, институт признания получил в XX веке в связи с активным осуществлением деколонизации и образованием новых государств в Африке, Азии, на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Практически полное завершение процесса деколонизации на рубеже XX–XXI веков, впрочем, не поставило под сомнение значимость рассматриваемого вопроса в контексте международного права – достаточно лишь вспомнить распад СССР и Югославии с закономерным образованием новых государств, а также последующие события XXI века.

Отметим, что существенная в исторической протяженности история института признания хотя и определено повлияла на его развитие, в конечном счете мало способствовала консолидации доктринальных подходов. Как отмечает И.И. Лукашук, «хотя и данный вопрос не относится к числу малоисследованных, доктрина еще далека от единства» [Лукашук, 2008]. При известном уровне современных научных исследований, причину существования данной проблемы следует искать не в закономерной уровню исследуемого вопроса сложности института признания, поскольку юридическая наука не один раз доказывала свою способность разрешать и более сложные ситуации в условиях разнонаправленных интересов, чему наиболее ярким примером является принятие Устава ООН, а в отсутствии на то политической воли заинтересованных участников международных отношений. В такой ситуации совсем не удивительным представляется мнение М. Шоу, указывающего, что «как правило, решение о признании того или иного государства будет в большей степени зависеть от политических соображений, нежели чем от исключительно правовых факторов» [Shaw, 2008]. Констатация известного уровня политизированности института признания, между тем, не освобождает нас от необходимости выявления его правового содержания и роли в современном международном праве. Напротив, ближайшее их рассмотрение способствует выработке понимания причин и следствий, существующего на данный момент положения дел.

Основная часть

Что же представляет собой институт признания? «Признание нового государства со стороны уже существующего государства, по мнению Г.И. Тункина состоит в том, что последнее заявляет или иным образом показывает, что оно считает новое государственное образование суверенным государством, полноправным участником международных отношений [Тункин, 1956]. Л.А. Моджорян в свою очередь определяла признание как «акт государства, которым

констатируется возникновение нового субъекта международного права» [Моджорян, 1960]. Иными словами, под признанием государства в отечественной доктрине относительно ситуаций самоопределения в целом понимается акт правовой констатации факта возникновения нового, полноправного участника международных отношений, субъекта международного права. Однако, вопрос содержания «признания» данным определением не исчерпывается, поскольку перед нами предстает проблема правовых последствий его наличия или отсутствия.

Данный вопрос имеет ключевое значение для понимания всего института признания и является одним из наиболее дискуссионных в свете доктринального исследования института признания. Как известно, относительно правового значения признания государства существуют две основные теории – конститутивная и декларативная. В правовой доктрине также встречается мнение о существовании некой третьей теории, являющейся средним вариантом между двумя озвученными. Обосновывается она тем, что «ни одно государство не придерживается в чистом виде ни конститутивной, ни декларативной теории признания государств» [Хасанов, 2016]. Однако, специфические признаки данной теории при этом не озвучиваются, что, на наш взгляд, исключает возможность выделения такого «гибрида» в самостоятельную теорию. На практике подобный вариант мало чем отличается от декларативной теории, учитывающей легитимность самоопределения (который нами будет рассмотрен далее).

Согласно конститутивной теории, государство не существует в международном юридическом поле до тех пор, как его признают другие государства, и не обладает соответствующими правами. Более того, оно может действовать так как пожелает, не неся и ответственности [Казаровец, 1958]. Признание наделено правообразующим значением, и как бы «создает» новый субъект международного права в силу соответствующей позиции уже существующих государств. Тем самым порождает и международная правосубъектность. Данная теория была в определенной мере направлена против суверенитета государств, возникающих в результате победы революций и национально-освободительной борьбы народов от иностранного господства [Джантаев, 2011]. Сторонники декларативной теории, в свою очередь полагают, что существование государства в качестве субъекта международного права не ставится, и не может ставиться в зависимость от его признания или непризнания, так как государственное образование со всеми признаками является субъектом международного права в силу самого факта своего существования. Признание же является лишь констатацией появления на мировой арене нового субъекта международного права, юридические последствия такого акта весьма ограничены, поскольку он лишь подчеркивает уже существующее положение дел. Как отмечал С.Б. Крылов по этому поводу: «признание не создает нового субъекта международного права, оно лишь является юридическим актом, оформляющим факт возникновения государства и вступления его в международные отношения» [Казаровец, 1958].

Отметим, что в отличие от конститутивной теории, декларативная теория в дальнейшем может быть разделена на две самостоятельные концепции – первая из которых распространяет предлагаемое ей регулирование только на государства, созданные правомерными способами, другая же – на все новые государства, фактически выхолощивая тем самым вопрос правомерности создания государства из предпосылок для его признания, иначе говоря – устраняя связь признания с правомерностью создания его объекта. Подобная практика, на наш взгляд, не может быть признана сколь-нибудь допустимой с точки зрения правовой доктрины, коль скоро при подобном прочтении «субъектами международного права» оказываются даже квазигосударства вроде ИГ, поскольку в таком случае ключевым фактором является не вопрос правомерности их создания и существования, а лишь сам их факт возникновения. Караев Р.М.

по этому поводу отмечает, что декларативная теория «не предусматривает эффективных мер, препятствующих случаям не соответствующего нормам международного права возникновения различных территориальных образований, претендующих на статус независимых государств» [Караев, 2016]. Однако следует оговориться, что данная критика может быть отнесена лишь ко второму концептуальному подходу к декларативной теории, и посему его применение на практике не может быть признано сколь-нибудь оправданным. Соответственно, декларативная теория подлежит применению постольку, поскольку создание нового государства-объекта признания соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права.

К сожалению, современная практика международных отношений показывает, что и такая позиция не является безупречной, поскольку зачастую приводит к размыванию грани между конститутивной и декларативной теориями, превращая последнюю в квази-конститутивную. С одной стороны, формально соглашаясь, что государство становится субъектом международного права в силу самого факта его возникновения при условии правомерности самоопределения, участники международных отношений нередко выдвигают необоснованные и несправедливые с точки зрения международного права требования, а порой и игнорируют даже явное им соответствие. Выходит, что поскольку создание государства «нелегитимно», то и право на признание у последнего отсутствует даже с точки зрения декларативной теории признания – «нелегитимное» самоопределение не превращает его субъект в государство, а значит – субъект самоопределения не становится субъектом международного права в силу отсутствия факта возникновения как государства. С учетом вышеуказанных нюансов, в современной международной практике, для которой характерно фактическое отсутствие единого «судьи» и преследование отдельными государствами собственных политических интересов, декларативная теория оказывается фактически мало отличающейся от конститутивной – в первом случае новое государство оказывается лишенным реальной правосубъектности из-за якобы «нелегитимного» самоопределения, а во втором – поскольку его не признали другие государства. Практические последствия, таким образом, оказываются в целом одинаковыми при несущественной разнице юридических формул – хотя, очевидно, новое государство прежде всего заинтересовано в реальном установлении взаимовыгодных отношений с другими субъектами международного права, а не обретении абстрактного правового титула. С другой стороны, очевиден и тот факт, что декларативная теория сама по себе не устанавливает требования наличия согласия с легитимностью самоопределения со стороны множества государств для того, чтобы новое государство стало субъектом международного права. Напротив, формально-юридический подход приводит нас к выводу о том, что достаточно хотя бы единственного выражения позиции другого субъекта, подтверждающего легитимность самоопределения. Но в таком случае новое государство хотя и формально наделено международной правосубъектностью, по-прежнему фактически отстранено от общения с многочисленным международным сообществом, изолировано от ведущих держав, а его правосубъектность оказывается ничем реально не подкрепленной, существующей лишь как абстрактный юридический факт.

Вышеуказанные противоречия в определенной мере способствовали увеличению количества сторонников конститутивной теории признания. Приводятся в ее обоснование и другие доводы, как правило, связанные с практическими соображениями – так, К. Хилльгрубер ссылается на необходимость усилить контроль международного сообщества в отношении вновь образуемых государств [там же]. Широко распространено и восприятие конститутивной теории как инструмента, способствующего сдерживанию сепаратизма.

Между тем, выбирая в качестве базы для научного исследования ту или иную теорию, представляется необходимым следовать не только абстрактно-теоретическим соображениям, или же, напротив, сугубо практическим, а отдавать предпочтение комплексному подходу, учитывающему формально-юридические основания, в данном случае – путем установления соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права. Основные доводы, которые позволят констатировать соответствие международно-правовым нормам той или иной теории, на наш взгляд, должны быть почерпнуты из международного права.

Известно, что п.2 ст. 1 Устава ООН устанавливает в качестве одного из принципов Устава принцип равноправия и самоопределения народов. Согласно же п. 1 статьи 2, Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов. Организация обеспечивает, чтобы государства, не являющиеся ее членами, действовали в соответствии с вышеуказанными принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности (пункт б). Во всех подробностях принцип суверенного равенства раскрывает Декларация 1970 г., устанавливающая, что «все государства пользуются суверенным равенством, они имеют одинаковые права и обязанности, юридически равны, каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету, каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств». Данные правоустановления заставляют усомниться в правомерности определения наличия или отсутствия правосубъектности у одного государства волей другого, как того требует конститутивная теория. Известно, что принцип равноправия и самоопределения народов является одним из основных принципов международного права, результаты его реализации, то есть, возникновение нового субъекта международного права, не требуют некоего «подтверждения» со стороны других субъектов международного права, при условии юридической состоятельности, соответствия условиям легитимности самоопределения (несоответствие которым не может быть конвалидировано другими государствами) его процесса и последствий. Созданное государство, однако, должно действовать в соответствии с требованиями общего международного права и его принципами.

Обратная ситуация, когда создаваемое государство становится субъектом международного права только после признания другими государствами, фактически будет означать опосредование (санкционирование) правосубъектности в международном праве волей одних государствами другими с известными правовыми последствиями. Такая ситуация не только означает наличие некоего «сверхправа» по отношению к новому государству, она также произвольно исключает процесс их генезиса из сферы действия принципа суверенного равенства государств, коль скоро реальное подменяется необходимостью получения «одобрения». В правовой доктрине подчеркиваются и другие недостатки конститутивной теории – последняя не дает ответа, какое количество признаний со стороны государств необходимо, чтобы субъект самоопределения все-таки стал полноценным участником международного общения, субъектом международного права. Не объясняется ей и такой феномен, как вступление новыми государствами в межгосударственные отношения *de facto* и *ad hoc* без признания.

Следует, однако, отметить, что основные доводы, указывающие на неприменимость конститутивной теории в условиях действия принципа суверенного равенства и принципа равноправия и самоопределения, могут быть поставлены под сомнение определенным прочтением Устава ООН. Во-первых, далеко не всегда государства относят признание новых государств к своим обязанностям, полагая, что данный вопрос связан с реализацией права. Но еще в 60-х годах XX века Д.И. Фельдман отмечал, что «Если народ создает самостоятельное

государство, то оно с самого начала своего образования имеет право на полное окончательное признание в форме де-юре. Все независимые государства, образованные в соответствии с принципом самоопределения (курсив автора), могут рассчитывать на полное официальное признание» [Фельдман, 1965]. В современной отечественной доктрине международного права данная точка зрения также находит поддержку. Отмечается, что «новое государство имеет право на международное признание, что вытекает из Устава ООН, обязанности государств развивать дружественные отношения между собой, уважать принципы суверенного равенства и самоопределения» [Бердегулова, Каплина, 2014].

Встречается и иной довод, указывающий на то, что принцип суверенного равенства государств в Уставе ООН устанавливается только для членов организации; и не может быть применен, поскольку образованное в результате самоопределения государство государством и не является вовсе. Однако, как уже ранее было отмечено, в соответствии с Уставом ООН Организация принимает необходимые меры для того, чтобы государства, не являющиеся членами организации, действовали сообразно ее принципам (в отношении членов данная обязанность установлена статьей 2 Устава). При этом известно, что принципы, закрепленные в Уставе ООН, являются основными принципами международного права, а соответственно их сфера выходит далеко за пределы Устава, распространяясь на все государства, вне зависимости от их представительства или отсутствия такового в ООН. Декларация 1970 г., рассматривая принципы Устава ООН, подтверждает данную точку зрения, провозглашая равенство всех государств, без какого-либо ограничения сферы действия. Таким образом, принцип суверенного равенства государств как один из основных принципов международного права действует на все государства.

Не представляется правомерным и отказ в применении принципа равноправия государств на основании непризнания самого государства таковым, поскольку, как уже нами ранее было отмечено, успешность генезиса государства, образованного в результате самоопределения, зависит в первую очередь от легитимности самоопределения, но не от сторонней позиции. Неприменение принципа суверенного равенства государств по причине непризнания государством противоречит как самому данному принципу, так и принципу равноправия и самоопределения народов, поскольку устанавливает зависимость одного государства от другого, и соответственно народов созданного в результате самоопределения государства от народов другого государства, чью волю оно и выражает. Звание «государства» не может и быть пожалованным образуящим его народам со стороны другого такого же субъекта или народов, они не могут стать «судьей».

Попытки применения обратного подхода, как представляется, возвращают нас к началу XX века и дискриминационному подразделению народов на «цивилизованных» и «дикарей», как то предлагалось некоторыми исследователями, в частности, Лоримером и Оппенгеймом, с отказом в предоставлении последним государственности по причине их «неразвитости» [Херцег, 1961]. При этом, разумеется, «цивилизованные» народы определяли, кто достоин государственности, а кто нет. Как справедливо отмечает Х.М. Джантаев, вступление нового государства в международное сообщество не есть прием нового члена в престижный закрытый клуб избранных, поскольку новое государство изначально является членом международного общения в силу самого факта своего появления на свет.

Таким образом, ни создание нового государства, ни его признание в качестве субъекта международного права не может опосредоваться позицией другого государства. Его роль, на наш взгляд, заключается в констатации наличия правосубъектности со стороны признающего государства, и такая констатация, будучи сделанной единожды, является для него обязательной и

впредь. В этой связи не представляется возможным согласиться с возможностью «отбирания» признания, поскольку отрицание констатации уже установленного факта образования государства является фактическим доведением ситуации до абсурда. Еще более радикальная позиция американского юриста Ч. Хайда, по мнению которого нарушение условий, на которых предоставляется признание, предоставляет осуществляющим признание государствам право вмешаться для того, чтобы установить порядок, соответствующий оговоренным условиям [Хайд, 1950], является вовсе несовместимой с основными принципами международного права. Все вышеуказанное наглядно свидетельствует о том, что применение конститутивной теории не может считаться правомерным с точки зрения общепризнанных принципов международного права.

Следует отметить, что в отличие от правовой доктрины, вопрос признания не является достаточно урегулированным в международном праве, однако подход, реализованный в некоторых региональных актах, также склоняется к декларативной теории. Еще в статье 3 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств указывалось, что политическое существование государства не ставится в зависимость от признания его другими государствами. Аналогичное положение содержится в статьях 12 и 34 Хартии Организации американских государств от 1948 г, согласно которым «до признания другими государствами, новое государственное образование обладает определенными правами и обязанностями».

В этой связи представляется необходимым уточнить, что становление субъекта самоопределения в качестве государства и субъекта международного права, наличие у него суверенитета не опосредуется его членством в каких-либо международных организациях, в том числе ООН, хотя, представляется, его наличие является прямым подтверждением международно-правовой правосубъектности нового субъекта международного права со стороны государств, представители которых голосовали за принятие в организацию. Интересно, что, согласно п. 1 статьи 4 Устава ООН, прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств – из данной нормы вполне очевидно, что в ООН принимаются субъекты, уже являющиеся государствами, а не, наоборот, государства становятся таковыми, будучи принятыми в организацию. Как известно, до 2002 г. не являлась членом ООН Швейцария, что не препятствовало абсолютному большинству государств признавать ее как государство и субъект международного права. С другой стороны, членом ООН является государство Израиль, хотя в его отношении по сей день отсутствует акт признания со стороны более чем 20 стран Ближнего Востока и Африки. На практике, такое положение дел не оказывает существенного влияния на возможность реального осуществления международной правосубъектности данным государством. Вышеуказанные примеры наглядно свидетельствуют о том, что факт участия в международной межправительственной организации, даже ООН является отдельным и независимым вопросом от вопроса признания.

Следует отметить, что попытки разрешения вопроса признания новых государств активно предпринимались на уровне ЕС. Так, 16 декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание Совета ЕС, на котором был определен общий подход «двенадцати» к вопросу официального признания новых государств на территории Советского Союза и в Восточной Европе. В документе под названием «Руководящие принципы признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» были согласованы следующие критерии официального признания:

-Соблюдение положений Устава ООН и обязательств, принятых по Акту СБСЕ и Парижской хартии – прежде всего в том, что касается верховенства закона, демократии и прав человека;

-Гарантии прав этнических и национальных групп, равно как и меньшинств в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках СБСЕ;

-Уважение принципа нерушимости границ, которые не могут быть изменены иначе, как мирно и с общего согласия; принятие всех соответствующих обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия, а также обязательств характера безопасности и региональной стабильности;

-Обязательство разрешать по соглашению, в том числе предусматривая в случае необходимости обращение в арбитраж, все вопросы, касающиеся правопреемства государства, а также региональных споров

При рассмотрении предлагаемых ЕС критериев (и реализованных на практике в отношении стран бывшего СССР и Восточной Европы) закономерное внимание сразу же привлекает их подчеркнутая направленность на защиту интересов меньшинств а также разоружение, и если первое требование по совместительству является устанавливается рядом международных актов, имеющих императивное значение, то второе, скорее, оказывается реверансом в сторону в интересов самого ЕС – коль скоро реализация «разоружения» зачастую способна серьезно подорвать безопасность нового государства в период, когда его правовые институты еще недостаточно окрепли. Многочисленные вооруженные конфликты на территории бывшего СССР лишь подтверждают соответствие данного утверждения положению дел на практике. Вместе с тем, другие немаловажные критерии, в том числе наличие эффективного контроля над территорией, формирование публичных органов власти в «критерии» ЕС не входит. Вопреки встречающемуся в правовой доктрине мнению – так, как указывает Ф.Р. Гасымов, критерии, выработанные и примененные ЕС при признании новых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза и Югославии, по сфере применения являются универсальными и могут быть распространены на другие регионы [Гасымов, 2005], мы полагаем, что «Руководящие принципы» не могут использоваться в качестве критериев признания нового государства ввиду их субъективности и тенденциозности, сколь и не могут являться соответствующие требованиям международного права интересы субъекта самоопределения предметом торговли с ЕС.

Подводя промежуточный итог, представляется необходимым сделать вывод о том, что существование субъекта самоопределения в качестве государства и наличие у него международной правосубъектности не зависит от его признания другими государствами, равно как и не зависит от членства в каких-либо международных организациях. Сам вопрос признания в международном праве практически не урегулирован. Роль акта признания заключается в безотзывной констатации признающим государством факта наличия правосубъектности у признаваемого.

Озвученные ранее сомнения в правомерности с точки зрения международного права конститутивной теории, вкупе с размытием границ между ею и декларативной теорией, не освобождают нас от необходимости выявления приемлемой процедуры наделения новых государств международной правосубъектностью. На наш взгляд, в качестве базы для такой концепции следовало бы избрать декларативную теорию, а ее положения модифицировать для достижения соответствия требованиям международного права. Поскольку в силу декларативной теории единственным основанием для непризнания субъекта самоопределения может быть лишь нелегитимность самоопределения, для реализации данной теории на практике следовало бы установить четкие критерии легитимности самоопределения, ограничивающие, с одной стороны, возможность злоупотреблений и произвола государств в вопросе признания легитимности самоопределения и соответственно признания государства субъектом международного права, а с другой стороны – устанавливающие четкие ориентиры для новых участников международных отношений. Роль акта признания, в свою очередь, заключалась бы

в безотзывной констатации признающим государством факта наличия правосубъектности у признаваемого. Отсутствие признания, само по себе, никак не должно умалять легитимность самоопределения и его результатов. Единственным реальным препятствием на пути к международной правосубъектности для нового государства должна являться нелегитимность самоопределения. Однако, до сих пор, данная идея, проводящая параллель между признанием и созданием государства с соблюдением требований принципа самоопределения, не получила должной реализации в международном праве – как отмечает Т.Я. Хабриева, конкретных, до конца оформленных международным правом четких критериев, на основании которых новое государство может быть признано на данный момент не существует [Хабриева, 2010], попытка Комиссии международного права ООН упорядочить и кодифицировать относящиеся к нему международно-правовые нормы также закончилась ничем. Изредка предлагаемые в правовой доктрине концепции, как правило, ограничиваются вопросом установления соответствия нового государства «типичным» атрибутам государств. Однако, данный вопрос следует отнести к второстепенным, поскольку даже полное им соответствие не означает действительной легитимности самоопределения и не исключает применение запрещенного международным правом насилия против воли народа в процессе реализации самоопределения.

Заключение

На наш взгляд, критериями легитимности самоопределения, опосредующими приобретение международной правосубъектности, должны стать: компактность проживания самоопределяющегося народа; наличие четкой цели борьбы; поддержка движения за самоопределение большинством населения; формирование публичных органов власти; учет законных интересов других народов, проживающих на самоопределяющейся и сопредельных территориях; соблюдение норм международного гуманитарного права. Имплементацией их на практике, в том числе в актах международного права, в свою очередь, могла бы заняться ООН как наиболее всеобъемлющая и могущественная международная межправительственная организация. Однако, подробное обоснование и рассмотрение критериев легитимности самоопределения выходит за пределы предмета исследования статьи и будет произведено в отдельной работе.

С сожалением приходится констатировать, что, как отмечал Ж. Сессель еще в середине XX века, признание остается субъективным фактором, вместо того чтобы быть результатом объективной констатации. Представляется, что в том числе и по данной причине ситуация, сложившаяся относительно института признания в современной международной практике, порой весьма отдалена в своем содержании от основных принципов международного права, в особенности принципа суверенного равенства государств и принципа равноправия и самоопределения народов. Данные факторы, как видится, весьма негативно сказываются на значимости рассматриваемого института как элемента международного права и его авторитете в глазах государств и народов.

Тем не менее, это никак не умаляет необходимости закрепления в международном праве объективного основания признания или не признания, в качестве которого нами предложено соответствие критериям легитимности самоопределения – с привлечением широкого круга специалистов, представителей различных стран – возможно, под эгидой ООН. Недавняя история показывает, что актуальность проблемы не только не снижается, но и даже растет. В случае, если самоопределение не соответствует предложенным критериям т.е не является легитимным, его субъект не должен считаться полноправным субъектом международного

права, и соответственно не может быть признан, но не наоборот. Отказ же в признании государства, образованного в результате легитимного самоопределения, на наш взгляд, мог бы быть в таком случае трактован как нарушение принципа сотрудничества государств, а также принципа равноправия и самоопределения народов. Вместе с тем, реализация данного подхода требует существенной политической воли со стороны государств, наличие которой на данный момент выглядит крайне сомнительным.

Библиография

1. Бердегулова Л.А., Каплина С.Е. Дипломатическое признание вновь возникающих государств как субъектов международно-правовых отношений // Вестник ЗабГУ. 2014. № 2. С. 140-146.
2. Волощук О.Т. Международно-правовое признание глав государств: исторический аспект // Вестник БДУ. 2015. № 3. С. 105-110.
3. Гасымов Ф.Р. Признание государств и правительств. Современная международно-правовая теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 20 с.
4. Джантаев Х.М. Формы и виды признания в современном международном праве // Вестник РУДН. 2011. № 4. С. 148-163.
5. Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик (вместе с «О критериях ЕС для признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза», подписано в Брюсселе, Гааге 23 декабря 1991 г.).
6. Казаровец Е.М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве. М., 1958. 23 с.
7. Караев Р.М. Институт признания государств в международном праве и самопровозглашенные территориальные образования // Журнал Российского права. 2016. № 9. С. 129-138.
8. Лукашук И.И. Международное право: общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2008. 432 с.
9. Моджорян Л.А. Значение признания государств и правительств на современном этапе // Вопросы теории и практики международного права. 1960. № 3. С. 15-31.
10. Тункин Г.И. Основы современного международного права. М.: Госюриздат, 1956. 666 с.
11. Фельдман Д.И. Проблема признания в современном международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 91 с.
12. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. М., 2010. С. 16.
13. Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М., 1950. Т. 1. 532 с.
14. Хасанов А.А. Современные подходы к теориям признания новых государств в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 109-114.
15. Херцег И. Признание государств и правительств // Проблемы международного права. М., 1961. 136 с.
16. Shaw M.N. International Law. New York, 2008. P. 445.

Recognition of self-determining states: Contemporary issues of legal theory and practice

Oleg V. Shpak

Postgraduate,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: wraith021@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the law approaches, considering legal problems of self-determining state's recognition and their legal assessment under the rules of the international law. The author

considers the sources, theories, concepts of the institution of recognition of new states. The author describes the theories of recognition; constitutive and declarative theories are analyzed from the both sides of the international legal practice and international law-enforcements requirements; other related controversial questions are reviewed as well. The author consistently proves that international legal personhood of the new states cannot be mediated through the will of the other states or by the membership in international organization's. The article concludes out that the states recognition should be conceptually based on the legitimacy of the self-determination process, which is verified by accordance to the number of predetermined criterion. In our opinion, the criteria for the legitimacy of self-determination, mediating the acquisition of international personality, should be: the compactness of the residence of a self-determined people; the existence of a clear goal of the struggle; support for the movement for self-determination by the majority of the population; the formation of public authorities; taking into account the legitimate interests of other peoples living in self-determining and adjacent territories; compliance with international humanitarian law. Implementation of them in practice, including in acts of international law, in turn, could be taken up by the UN as the most comprehensive and powerful international intergovernmental organization.

For citation

Shpak O.V. (2018) Aktual'nye voprosy priznaniya samoopredelivshikhsya gosudarstv v yuridicheskoi teorii i praktike [Recognition of self-determining states: Contemporary issues of legal theory and practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (3A), pp. 22-33.

Keywords

International law, recognition, self-determination, declarative theory, constitutive theory, secession, state, legitimacy.

References

1. Berdegulova L.A., Kaplina S.E. (2014) Diplomaticheskoe priznanie vnov' vznikayushchikh gosudarstv kak sub'ektov mezhdunarodno-pravovykh otoshenii [Diplomatic recognition of newly emerging states as subjects of international legal relations]. *Vestnik ZabGU* [ZabSU Herald], 2, pp. 140-146.
2. Dzhantaev Kh.M. (2011) Formy i vidy priznaniya v sovremennom mezhdunarodnom prave [Forms and types of recognition in modern international law]. *Vestnik RUDN* [PFUR Herald], 4, pp. 148-163.
3. Fel'dman D.I. (1965) *Problema priznaniya v sovremennom mezhdunarodnom prave. Doc. Dis.* [The problem of recognition in contemporary international law. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Gasymov F.R. (2005) *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv. Sovremennaya mezhdunarodno-pravovaya teoriya i praktika. Doct. Dis.* [Recognition of states and governments. Modern international legal theory and practice. Doct. Dis.]. Kazan.
5. Hyde Ch.Ch. (1950) *Mezhdunarodnoe pravo, ego ponimanie i primenenie Soedinennymi Shtatami Ameriki* [International law, its understanding and application by the United States of America]. Moscow. Vol. 1.
6. Karaev R.M. (2016) Institut priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave i samoprovozglashennye territorial'nye obrazovaniya [Institute of the recognition of states in international law and self-proclaimed territorial entities]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 9, pp. 129-138.
7. Kazarovets E.M. (1958) *Voprosy priznaniya novykh gosudarstv i pravitel'stv v sovremennom mezhdunarodnom prave* [The issues of recognition of new states and governments in modern international law]. Moscow.
8. Khabrieva T.Ya. (2010) *Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov* [Modern problems of self-determination of ethnic groups]. Moscow.
9. Khasanov A.A. (2016) *Sovremennye podkhody k teoriyam priznaniya novykh gosudarstv v mezhdunarodnom prave* [Modern approaches to the theories of recognition of new states in international law]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 3, pp. 109-114.
10. Khertseg I. (1961) *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv* [Recognition of states and governments]. In: *Problemy mezhdunarodnogo prava* [Problems of international law]. Moscow.

11. Lukashuk I.I. (2008) *Mezhdunarodnoe pravo: obshchaya chast'* [International law: the general part.]. Moscow: Volters Kluver Publ.
12. Modzhoryan L.A. (1960) Znachenie priznaniya gosudarstv i pravitel'stv na sovremennom etape [The importance of recognition of states and governments at the present stage]. *Voprosy teorii i praktiki mezhdunarodnogo prava* [Issues of theory and practice of international law], 3, pp. 15-31.
13. Shaw M.N. (2008) *International Law*. New York.
14. Tunkin G.I. (1956) *Osnovy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Fundamentals of modern international law]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
15. Voloshchuk O.T. (2015) Mezhdunarodno-pravovoe priznanie glav gosudarstv: istoricheskii aspekt [International legal recognition of the heads of state: the historical aspect]. *Vestnik BDU* [BDU Herald], 3, pp. 105-110.
16. *Zayavlenie «dvenadtsati» o budushchem statuse Rossii i drugikh byvshikh respublik (vmeste s «O kriteriyakh ES dlya priznaniya novykh gosudarstv v Vostochnoi Evrope i na territorii Sovetskogo Soyuz», podpisano v Bryussele, Gaage 23 dekabrya 1991 g.)* [Statement of the "twelve" on the future status of Russia and other former republics (together with "On the EU criteria for the recognition of new states in Eastern Europe and the territory of the Soviet Union", signed in Brussels, The Hague December 23, 1991)].